

Кунью прыгнул вниз, в полете развернулся и выстрелил в толпу. Пуля вылетела из черного дула, вращаясь, с оглушительным звуком «бах». Его фигура в глазах всех падала вниз и, словно с помощью божественного мастерства, точно приземлилась на крышу медленно проезжавшей машины. Затем он голыми руками перелез через окно на заднее сиденье, и Toyota Corolla без номеров резко ускорилась, нагло сигналила и умчалась прочь!

Все это произошло слишком быстро. С того момента, как Кунью без предупреждения выпрыгнул из окна, до того, как он вместе с машиной исчез без следа, прошло меньше пяти секунд!

Линь Фэйши на мгновение замер, затем медленно, не веря своим глазам, повернул голову. Чжао Дэго лежал на земле с открытыми глазами, так и не закрыв их. На лбу зияла кровавая дыра, горячая алая кровь и белые мозги текли вместе.

Лао Сяо с опозданием понял, что происходит, и уже хотел выпрыгнуть со второго этажа в погоню:

— В погоню!

— Не преследуйте, — Цзян Пэйи потянулся и остановил его, слегка сжав зубы. — Он заранее подготовился, наши машины не догонят.

Рядом полицейский, который сделал холостой выстрел, со злостью ударил рукой по стене и не выдержал, выругавшись:

— Черт! И этому дали сбежать!

— Только Цзян Пэйи знал, что это на самом деле очень нормальное явление. Кунью не раз вырывался живым из линий огня, где пули сыпались, как дождь. Как крупный наркобарон, объявленный в розыск объединением семи-восьми стран, куда бы он ни шел, его преследовала местная полиция. Прежде всего он освоил одну науку — «бегство».

Лао Сяо посмотрел на труп Чжао Дэго и спросил мнения Цзян Пэйи:

— Капитан Цзян, как поступить с этим человеком?

У Чжао Дэго не было половины головы, его было точно не спасти. Цзян Пэйи на миг закрыл глаза и тихо сказал:

— Отвезите в городское управление.

— Черт, этот Кунью слишком нагл! Совсем не ставит нас, полицию, в глаза!

— Ладно, человек уже сбежал, теперь говорить об этом бесполезно, пошли, пошли.

— Только в этот момент Линь Фэйши открыл рот и произнес первую фразу. Тон его был сложным, в нем даже слышалась печаль. Он оперся на Цзян Пэйи и голосом, который слышал только он, тихо сказал:

— Ты и есть Южный Ветер?

Никто из присутствующих не знал настоящего лица Цзян Пэйи, только слышали, что этот замкап пришел из провинциального управления, возможно, у него был какой-то фон. Но эти старые полицейские все знали о «Южном Ветере» — засекреченном герое, внесшем

неоценимый вклад в борьбу с наркотиками на границе!

— Ага, — Цзян Пэйи слегка дернул уголком рта, очевидно не желая в этот момент говорить о своей личности, и выдохнул:

— Кунью давно уже подготовил путь к отступлению, это и есть чувствительность того, кто каждый день лижет кровь на острие ножа. Поймать его труднее, чем подняться на небо... В будущем нам часто придется иметь с этим человеком дела.

Линь Фэйши хотел сказать ему еще кое-что, но это место явно не было подходящим для разговора, поэтому он пошел вместе со всеми обратно в городское управление.

Существование Лао Сяо и его компании было неизвестно даже начальнику городского управления Хэ Фэну, это была довольно скрытая сила. Цзян Пэйи не намеревался позволить им всплыть на поверхность в этот момент. Отправив труп Чжао Дэго в городское управление, они разошлись в разные стороны.

В этот момент, вспоминая ту фразу «может быть, и так», Линь Фэйши лучше понял чувства Цзян Пэйи. Ему было очень жаль этого человека. В теле Цзян Пэйи одновременно присутствовали качества «твердости» и «хрупкости», словно у безупречного драгоценного камня: грани были острыми, но такая твердость легко приводит к поломке.

Вернувшись в офис, оба молчали и не произносили ни слова. Даже Линь Фэйши, такой человек, который мог говорить обо всем, теперь не знал, как начать разговор.

Долго спустя он спросил с немного пониженным и хриплым голосом:

— Ты и есть Южный Ветер... Почему тогда ты не сказал мне?

Цзян Пэйи не был тем человеком, который рассказывает о своих ранах всем, чтобы вызвать сочувствие. Ему никогда не было нужно чье-либо сочувствие. Даже если тело было покрыто ранами, он не менялся в лице. Он ответил спокойным и ровным тоном:

— В то время, после того как я упал со скалы, люди группы действий не могли связаться со мной. Живой не видели, мертвого тело не нашли, они все думали, что я умер. Первое сообщение, которое они отправили вверх, было «Южный Ветер погиб». Позже, при общем отступлении армии, они на машине проехали под скалой и только тогда обнаружили мое тело, придавленное в траве.

— Позже, после обсуждения на уровне провинции, было решено ради моей безопасности не менять версию о гибели Южного Ветра — потому что они боялись, что кто-то придет мстить Южному Ветру. Ведь... — Цзян Пэйи с самоироничной улыбкой добавил с легкой печалью:

— Оставшиеся члены банды «Черный Гриф» ненавидят меня до костей, ненавидят так, что хотят растереть мои кости в пепел и развеять по ветру. Другие наркобароны также боятся имени Южного Ветра и хотят убить его скорее. Лучше пусть он умрет.

Насколько нужно привыкнуть к воспоминаниям, чтобы в такой момент говорить об этом так легко? Сердце Линь Фэйши ныло, и он не выдержал:

— Когда ты отправил в командный центр сообщение «действие продолжается», разве ты не подумал о своем пути назад?

— Разве ты не хотел видеть голубое небо? Разве ты не хотел живым выйти оттуда? Разве ты не хотел снять тяжелую од маскировки, которую носил много лет, надеть героическую полицейскую форму и снова увидеть солнечный свет?

— Иногда кажется, что перед тобой две дороги, но часто на самом деле выбора нет, я могу только идти вперед, — Цзян Пэйи помолчал момент, опустил глаза и тихо сказал:

— Жизнь отдельного человека ничтожна. Быть похороненным вместе с «Черным Грифом» в горах Ньюцзяо, а после смерти душа вернется в землю Хуася — это, наверное, последний вклад, который я могу сделать.

Линь Фэйши подумал и нахмурил брови, спросив:

— Как твоя личность была раскрыта?

Цзян Пэйи долго молчал, а когда заговорил, в голосе не было никаких колебаний:

— Не знаю. В день до действия, во второй половине дня, Кунью еще приглашал меня пойти вместе с ним на гору собирать цветы мака в саду опиумного мака. В то время он мне доверял безоговорочно. В день действия моя личность внезапно была раскрыта перед глазами всех людей «Черного Грифа» — до сегодняшнего дня я все еще вспоминаю, что же я сделал не так в тот день, что заставило Кунью решить, что я и есть Южный Ветер.

— Или, может быть, он никогда мне не верил и давно уже следил за мной, обнаружив, что я передаю информацию группе действий, — равнодушно добавил Цзян Пэйи.

Слушая, как Цзян Пэйи так легкомысленно говорит о прошлом, и вспоминая слова Го Цимина «он не жалеет свою жизнь», Линь Фэйши на мгновение почувствовал ком в горле.

— ...Некоторые слова я очень давно хотел тебе сказать, но все не мог найти подходящего момента.

Линь Фэйши встал и мягко поднял подбородок Цзян Пэйи, который был опущен вниз. Его глаза-персики прямо смотрели на него, и он четко говорил по словам:

— Капитан Цзян, не всегда так занижай себя, нет никого, чья жизнь была бы ничтожной. Даже самая маленькая пыль имеет ценность своего существования, не говоря уже о человеке из плоти и крови.

В чистых черных глазах Цзян Пэйи отражалось безупречное красивое лицо Линь Фэйши, и он слушал, как он мягко говорил слово за словением:

— В этом мире никогда не будет недостатка в людях, которые хотят обнять тебя, они все время ждут тебя в другом месте, чтобы ты вернулся триумфатором — на наших ладонях одинаковые линии жизни, ты можешь не бояться смерти, но также должен научиться жадности к жизни.

Цзян Пэйи никогда не боялся смерти и не имел особого почтения к жизни. Чего хотел, то жил; чего хотел, то и умер.

Это также имело большое отношение к среде, в которой он рос. Люди семьи Цзян все были с твердыми костями, это передавалось из поколения в поколение. Цзян Пэйи с детства внушали твердую веру «умереть на поле битвы — это высшая слава», и уже давно он перестал обращать внимание на жизнь и смерть.

Для Цзян Пэйи не было ничего, что нельзя было бы отбросить, не было никакой причины, которая могла бы заставить его «жадничать жизнь».

Цзян Пэйи с легкой усталостью тихо вздохнул:

— Когда можно выжить, никто не выберет активно идти к смерти. Но если приходится жертвовать жизнью ради правды, это всегда потому, что пути к отступлению больше нет... Жизнь и смерть не зависят от меня, о каком еще пути назад можно говорить?

Линь Фэйши вдруг очень серьезно сказал:

— Я думаю, ты можешь поучиться у Кунью.

Услышав это имя, Цзян Пэйи нахмурил брови и поднял глаза:

— Чему у него учиться?

— Правильной позе при побеге. Я думаю, он вполне может выдержать огонь артиллерии восьми держав, — сказал Линь Фэйши. — Я раньше слышал об организации «Черный Гриф». Побег на первом месте, торговля наркотиками на втором. Вся полиция Юго-Восточной Азии ничего не может с ним поделать. Ты так долго был с ним в близком контакте, разве не научился немного мудрости сохранения себя?

Цзян Пэйи холодно сказал:

— Его дороги к побегу проложены кровью и сломанными головами других людей, под ногами лежат бесчисленные тела... По такой дороге я не могу идти.

<http://bllate.org/book/17716/1655693>